

Дмитрий Гавриш: писатель из «третьего ареала» | Dmitry Gavrish: a writer from the «third areal»

Author: Андрей Федорченко, [Цюрих](#) , 08.05.2013.

В Гранд-Каньоне, США, 2008 (Из архива Д. Гавриша)

Роман швейцарского писателя украинского происхождения готовится к выходу в свет - в немецком оригинале.

|

A novel by a Swiss writer of Ukrainian origin will be published soon.

Dmitry Gavrish: a writer from the «third areal»

Наша родина там, где наш язык. Этот тезис нуждается нынче в пересмотре.

Процессы культурной глобализации начались не сегодня и даже не вчера. Скорее, позавчера. Не где-нибудь, а в консервативной викторианской Британии поляк Юзеф Коженёвски вошел в историю английской литературы... под именем Джозеф Конрад. Несколько позже его соотечественник Вильгельм Вонж-Костровицкий стал известен миру как Гийом Аполлинер, великий поэт Франции... Немногие знают, кто такой румын Эужен Ионеску, зато в течение уже многих десятилетий люди аплодируют пьесам прославленного французского драматурга Эжена Ионеско... В нашей литературе тоже имеется свой «иностранец» – литовец Юргис Балтрушайтис, известный русскоязычный поэт-символист Серебряного века. Но в основном русские, украинские, белорусские и другие национальные авторы писали на родных языках и в традиционных ареалах: на родине или в эмиграции.

Первым нашим интегратором в чужую литературу, безусловно, следует считать Владимира Набокова, умудрившегося стать классиком одновременно двух литератур: русской и американской. Этому способствовало уникальное совпадение многих факторов и обстоятельств. Тут и традиционное семейное англофильство, и эмиграция, и невозможность печататься на родине. И, разумеется, огромный литературный талант. Владимир Набоков открыл для наших писателей дверь в «третий ареал» литературы. Мультикультурный.

Выходец из Украины Дмитрий Гавриш, молодой и уже приобретающий известность швейцарский писатель и драматург, – типичный представитель «третьего ареала» литературы. В Украине его пока не знают, поскольку Дмитрий пишет по-немецки. Швейцарская литература последних трех десятилетий вообще мультикультурна: трудно представить ее без словено-венгерки Ильмы Ракузы, румынок Аглаи Ветерани и Каталины Дорианы Флореску. Дмитрий Гавриш, родившийся в Киеве в 1982 году и покинувший Украину в раннем возрасте, вместе с вышеназванными писателями идеально вписывается в этот мультикультурный контекст: украинская душа, выражающая себя через немецкий язык, ставший ей родным. С конца 2010 года Дмитрий проживает в Берлине.

Отдых после рыбалки.
Украина, 2007 (Из личного
архива Д. Гавриша)

Попытаемся разобраться в механизме мультикультурности литературы, в причудливости человеческой судьбы, в языке, который, как оказывается, сам выбирает нас.

Наша Газета.ch: Дмитрий, расскажите немного о себе.

Дмитрий Гавриш: Простой вопрос всегда оказывается самым сложным... Я родился в Киеве 2 марта 1982 года и жил там первые 11 лет моей жизни. Как все: и в детский сад ходил, и от Чернобыля убегал. Был в школе октябренок, а вот пионером уже не довелось. В 1993 году мой отец стал дипломатом, украинским дипломатом первого поколения, и был командирован в Швейцарию. Таким образом и я тоже оказался здесь. Мои родители учились в Киевском институте иностранных языков по специальности «германистика», после двух курсов доучивались уже в Восточном Берлине (ГДР). Там они познакомились, влюбились и поженились. Немецкий язык был для них... своеобразным «секретным языком»: если они хотели что-то обсудить между собой, не предназначенное для чужих ушей, в том числе, и для моих – они говорили по-немецки. Отец не был карьерным дипломатом. В Украине, только недавно ставшей независимой, профессиональных дипломатов тогда почти не было. Поэтому просто брали людей с хорошим знанием языка, они проходили четырехмесячные курсы и направлялись в разные посольства. Так быстро готовили, наверное, только офицеров времен Великой Отечественной войны, которых тут же бросали в бой...

Но Вы выучили немецкий...?

А я выучил немецкий уже в Швейцарии, после 4-го класса. Были специальные классы для иностранцев – жаль, что подобных уже больше нет – в них учились не только такие, как я, но и дети беженцев, например. И мне повезло, что отца, вопреки дипломатическим правилам, оставили работать в посольстве на второй срок (итого получилось 6 лет). Срок истек, когда мне исполнилось 17. И я решил тогда, что меня слишком много связывает со Швейцарией – язык, подруга, планы на будущее... Короче, я принял решение остаться здесь. Маме, конечно, было боязно оставлять меня одного, но она меня понимала...

Итак, Вы пустились по жизни в свободное плавание. И решили стать...

... экономистом. Когда в 15 лет я поступал в гимназию, мне нужно было выбрать уклон. Выбирая между старыми и новыми языками, математикой или экономикой, я остановился на последней, посчитав эту науку очень важной для нашей жизни и общества. И поступил в гимназию с экономическим уклоном. И уже после гимназии, когда пришла пора подумать о высшем образовании, я выбирал между германистикой (мне уже тогда было ясно, что я хочу писать), театром, который я очень любил, и экономикой. Выбрал опять-таки экономику. С одной стороны, она была мне интересна, а с другой, сохраняла мою жизненную перспективу на тот случай, если мне придется возвращаться в Украину. Думаю, делай я выбор сегодня, то поступил бы точно так же.

Дмитрий Гавриш (Из личного архива Д. Гавриша)

Когда и почему Вы решили уйти в литературу?

В детстве я очень любил сказки Пушкина, заучивал их наизусть. Да так, что исправлял ошибки взрослых, которые их мне рассказывали. Потом на какое-то время я совсем прекратил читать. А позже... вдруг увлекся кинофантастикой, вроде сериала «Звездный путь». Она-то и вернула мне желание читать, интерес к текстам. Я вдруг понял, что фантазия – это не только визуальная картина, ее можно выразить при помощи языка, слов, ритмики и тд. То есть, иными средствами. Я зачитывался Станиславом Лемом, Айзеком Азимовым, и понял, что могу сам писать фантастику. А потом произошло вот что: я вдруг почувствовал, что теряю русский язык. Мне было 15 лет, я ходил в гимназию и общался исключительно со швейцарцами. Если из памяти выпадало какое-нибудь русское слово, ему всегда находилась замена на немецком. Тогда я решил читать больше на русском языке: взял в библиотеке «Анну Каренину». Затем перечитал всю русскую классику, а писать фантастику бросил, потому что меня стали интересовать не выдуманная, но реальная «действительность».

Когда Вы впервые опубликовались?

В 19 лет. Это было эссе «Страна будущего», посвященное Украине. Я учился и продолжал писать, правда, не так много и не так быстро, как хотелось бы. Мечтал, что после завершения учебы найду работу на полставки, чтобы больше уделять внимания литературе. Однако я быстро понял, что скорее всего так совмещать не получится. Экономика – слишком серьезное дело, чтобы голова оставалась свободной для творчества. Зарабатывать один день на жизнь и два дня писать не имело смысла: никакого прогресса в литературе не произошло бы. Нужно было собраться с духом и решиться... И вот сидим мы как-то с другом в Брайент-парке в Нью-Йорке.

Вокруг небоскребы... Я рассказал ему о своих сомнениях, а он рассмеялся и говорит: «Я перестану тебя уважать, если ты бросишь писать». Этот разговор стал поворотным для меня, я решил, что в банке мне делать нечего. Но поскольку зарабатывать на жизнь все-таки надо, я решил получить после университета образование журналиста. Образование я получил, окончив курсы при газете «Handelszeitung», так что теперь я зарабатываю на жизнь как свободный журналист. Поскольку журналистика не так далека от литературы, как экономика, я думаю, что с этим компромиссом я могу жить.

О чем Ваш роман «Der Kranich im Schnee» («Журавль на снегу»)?

Книга еще не закончена. Я по сей день продолжаю работать над ней. Зимой 2009 года, когда я был в Киеве, у меня появилась идея написать что-то вроде путевых очерков. Работая над ними, я начал впервые серьезно задумываться об Украине, пытался осознать свое место в ней. И понял тогда, что я все-таки швейцарский писатель, хотя и связанный своими корнями с Украиной. Так, начавшись как книга путевых очерков, она переросла во что-то большее, ибо появилось много вопросов, на которые для меня стало важным найти ответы. Можно сказать, что этот роман - о встрече с прошлым, которое никуда не исчезает. Если не случится ничего экстраординарного, то «Der Kranich im Schnee» будет опубликован в следующем году.

А чем вызван нынешний Ваш интерес к театру?

Да, сейчас я в основном пишу для театра, хотя продолжаю работать также как прозаик. В театр я попал достаточно случайно. Вообще-то я всегда был завзятым театралом, ходил на спектакли по четыре раза в неделю и в Украине, и в Швейцарии. И вот как-то, благодаря своему знакомому переводчику, я оказался в Берне на премьере пьесы одного французского автора. После спектакля ко мне подошла актриса и спросила, автор ли я и пишу ли для театра? Тогда-то я и задумался, а не попробовать ли себя в нем? Так, через этот контакт с актрисой, я попал в театральный мир. Стал работать ассистентом режиссера в Бернском городском театре. Эта работа научила меня понимать театральные тексты, как они работают на сцене. Затем я написал свою первую короткую пьесу, за которую получил стипендию в Цюрихе. Стипендия представляла собой программу для молодых драматургов «Dramenprozessor» при театре Winkelwiese, позволяющую в течение года работать вместе с известными режиссерами, драматургами и актерами. Такая своеобразная школа театра, школа написания пьес. По итогам года я должен был сделать большую пьесу. Так появилась «Brachland» («Пустырь»).

Заклучительный вечер
фестиваля Theatertreffen в
Берлине, 2011 (Из личного
архива Д. Гавриша)

О чем она?

«Brachland» - пьеса для трех актеров. Это история о миграции и мигрантах. Главные герои, братья Олег и Иван, приезжают с Востока на Запад. Младший брат влюбляется в 40-летнюю женщину-врача Петру. Они женятся. Конфликт драмы в том, что с одной стороны, существуют семья и прошлое, а с другой – непрерывный поиск своего дома и будущего.

Насколько тема миграции важна для Вас?

Эта тема важная, но не конечная. Она привела меня к мыслям о личности, которые мне нужно было додумать до конца. Мне кажется, что миграция – это не единственный подход к раскрытию личности. Есть много иных подходов и тем. Сейчас я работаю, например, над пьесой, посвященной проституции, причем проституции местной. В ней я пытаюсь ответить на вопрос, как и каким образом работа способна изменить личность человека, его образ жизни. Побудительным толчком для написания пьесы стала статья в «Tages Anzeiger» о некоей матери с двумя детьми из Цюриха, долгие годы работавшей проституткой. Потом я общался с женщинами, занятыми в этой сфере, сутенерами, много читал, смотрел фильмы схожей тематики.

Вообще, писать от лица женщины невероятно сложно. Но... так получилось, что со времен университета мне довольно часто приходилось работать в женских коллективах, и это не могло пройти бесследно для меня. Возьмите «Анну Каренину» или «Госпожу Бовари» - они ведь тоже написаны мужчинами! Когда я пишу от лица женщины, я проверяю убедительность написанного на своих знакомых, подругах. Однажды я выиграл в Берне литературный конкурс с текстом, героиней которого была женщина. Конкурс был анонимный, и уже после объявления результатов председатель жюри сказал мне, что они все были уверены: автор – женщина.

Как воспринимали Ваших героев западные режиссеры? Были ли им свойственны стереотипы о славянах, героях «Brachland»?

«Brachland» читали несколько режиссеров. Нуркан Эрпулат, немец с турецкими корнями, в силу собственной миграционной истории глубже понимал моих

персонажей. Он быстрее и проще вошел в драматургический материал. А ставил спектакль по моей пьесе Штефан Киммиг в Berliner Theatertreffen. Сказать, что он не понял героев, не понял конфликт, конечно, нельзя. Киммиг – очень опытный режиссер и умный человек, он глубоко проник в материал, об этом можно судить по тому, какой получилась в итоге постановка. Но у него в сравнении с Эрпулатом, человеком схожей с персонажами пьесы судьбы, какой-то глубины душевной все-таки не хватало.

Как Вы думаете, есть ли смысл в том, чтобы театр стал интернациональнее?

Разговоры об этом ведутся в последнее время часто, особенно в Германии. Театров там много, а на сцене мы видим одних этнических немцев. И это в стране, где 20% населения имеют иностранное происхождение!

Премьера «Brachland» в Haus der Berliner Festspiele. Берлин, 2011 (Из личного архива Д. Гавриша)

Я же думаю так: в опере петь арию Травиаты может певица из любой страны. А вот сыграть Гамлета на немецком языке, например, японцу будет весьма сложно. Однако я с удовольствием посмотрел бы игру японского актера, владеет он в совершенстве немецким. С другой стороны, существуют некоторые театральные проекты, изначально мультикультурные. Например, «Первая любовь» театра Marie из Сура, где актеры играют на разных языках. Иногда и классика дает подходящий материал: однажды в Базеле я видел отличную постановку «Ромео и Джульетты». Капулетти там играли актеры из Киева, а Монтекки – немцы. Обе стороны говорили на своем языке, и это только подчеркивало классический конфликт шекспировских семейств. Полифоничность языков должна быть оправдана, иначе мы получим никому не нужную, недостроенную Вавилонскую башню.

Подбрасывает Вам журналистика темы для литературы?

Да. И даже бывает наоборот: стиль моей журналистики приближен к литературному. Специально я его не культивирую, он проявляется сам. Это, кстати, смягчает мой компромисс между зарабатыванием средств на жизнь и литературным творчеством. Журналистика также способствует моему общению с очень разными людьми, познакомиться с которыми при иных обстоятельствах было бы просто невозможно. Или когда я искал для своей новой пьесы учителей, дающих уроки начального немецкого только что приехавшим в Швейцарию проституткам, то это вылилось позднее в актуальный журналистский репортаж.

Где Вы сейчас живете?

В последние годы мы с моей подругой, писательницей Дорис Вирт, живем в Берлине. Чтобы иметь больше времени для литературы. Но это не значит, что мы эмигрировали, у нас остаются тесные связи со Швейцарией.

Не пробовали ли Вы писать по-русски?

Скажем так: я могу это себе представить. Многие страницы «Der Kranich im Schnee» посвящены Украине, персонажи в ней говорят по-украински, хотя пишу я по-немецки. И я пытаюсь найти верную интонацию, чтобы правильно отразить звук русской речи и душу украинского языка в языке немецком.

Когда «Der Kranich im Schnee» будет опубликован, я бы очень хотел, чтобы книгу перевели на украинский или на русский. Но знаю при этом, что я этот перевод, в отличие от Набокова, делать самостоятельно не хочу.

Кого бы Вы назвали своими учителями?

Кумиров у меня не было никогда. Каждый человек неповторим, не похож ни на кого, и я не исключение. Раньше я много читал Толстого, Достоевского, Флобера. Обожаю Чехова. Из современных читаю Макса Фриша и Гюнтера Грасса, Генриха Белля, Петера Хандке, Джонатана Франзена... Сейчас увлекаюсь книгами венгерско-швейцарской писательницы Аготы Кристоф.

... Можно сказать, что творческий старт Дмитрия Гавриша уже позади, и есть все основания надеяться на его дальнейшую успешную литературную карьеру. Тем более, что в личной жизни Дмитрия присутствует здоровая творческая конкуренция со стороны его подруги Дорис Вирт. Когда я сравнил их пару с дуэтом Ж.-П. Сартр - С. Бовуар, Дмитрий Гавриш отшутился: "Ну разве что, надеюсь, счастливее".

[писатели в швейцарии](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-gavrish-pisatel-iz-tretego-a-reala>